

Комалова Л.Р.

**Параметры типологизации агрессии,
вербализованной в письменном тексте / дискурсе¹**

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук,
Московский государственный лингвистический университет,
Россия, Москва, komalova@yandex.ru*

Аннотация. В статье представляется авторская разработка типологии агрессии, фиксируемой в вербальной модальности на материале письменного текста / дискурса в различных лингвокультурах. Постулируется требование рассматривать агрессию как комплексный феномен, который эксплицирует в языке и речи эмоционально-модальные состояния агрессивного типа, враждебную языковую картину мира, агрессивность как индивидуально-личностную характеристику человека, собственно речевую агрессию. В качестве центрального звена, вокруг которого строится типология, предлагается рассматривать действующего субъекта, «исполняющего» роль агрессора / жертвы / третьего лица. В рамках разрабатываемой типологии реализуется принцип действия с опорой на индивидуальное (субъективное) восприятие реальности (в противоположность принципу действия с опорой на реальность): реципиент текста / дискурса вырабатывает индивидуальную реакцию на физические / вербальные / ментальные действия в реальном мире на основе обобщенного в тексте / дискурсе образа; элементы семантического поля «агрессия», собираемые в связном тексте в функционирующую структуру коммуникативного акта «агрессия», генерируют в сознании реципиента стереотипное представление об агрессоре / жертве

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания МГЛУ (тема №FSFU-2020-0020).

агрессии / третьем лице, это представление впоследствии атрибутируется субъектам в реальной жизни. Механизм и возможный репертуар взаимодействия триады «агрессор – жертва – третье лицо» предписывается в тексте / дискурсе заранее и, как правило, ограничивается характеристикой деструктивности.

Ключевые слова: типология; вербализация агрессии; агрессогенный текст; виктимогенный текст; письменный текст / дискурс; семантическое поле; картина мира; перцептивный образ.

Поступила: 10.06.2022

Принята к печати: 16.08.2022

Komalova L.R.

**Typology parameters of aggression
verbalized in written text / discourse**

*Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow State Linguistic University,
Russia, Moscow, komalova@yandex.ru*

Abstract. The paper explores original typology of aggression embedded in verbal modality in written text / discourse. It is critical to consider aggression as a complex phenomenon that explicates in language and speech aggressive emotional-modal states, a hostile image of the world, aggressiveness as an personal characteristic and speech aggression as a specific type of aggression. The person playing the role of an aggressor / victim / third party is considered to be the pivot this typology. The typology is based upon the principle of acting through individual (subjective) perception of reality (as opposed to the principle of reality-based action): the recipient of the text / discourse produces an individual reaction to physical / verbal / mental actions in the real world based on the image generalized in the text / discourse. The elements of the semantic field «aggression» united in this text / discourse in the functional structure of the communicative act of aggression reproduce stereotypical understanding of what aggressor / victim / third party are – this understanding is subsequently attributed to real subjects in real life. The mechanism and possible repertoire of interactions between

«aggressor – victim – third party» triad is prescribed in the text / discourse and, as a rule, is characterized as destructive interaction.

Keywords: typology; verbalization of aggression; aggressogen text; victimogen text, written text / discourse; semantic field; image of the world; perceptual image.

Received: 10.06.2022

Accepted: 16.08.2022

Агрессия как комплексное явление

Агрессия относится к тому ряду явлений, которые невозможно рассматривать лишь в одной плоскости познания. Многогранность данного феномена подтверждает его сложность как объекта исследования и требует привлечения комплекса междисциплинарных знаний для решения исследовательских задач, связанных с проявлением агрессии.

Ряд социально-гуманитарных и естественных наук, объектом которых является человек, изучает феномен «агрессия». К таким наукам по праву можно отнести философию, психологию, медицину, физиологию человека, нейробиологию, социологию, историю, культурологию. В это число также входит филология (лингвистика и литературоведение).

В связи с этим агрессию следует рассматривать как многоаспектный феномен в нескольких проекциях, которые, в свою очередь, эксплицируются в тексте / дискурсе / речи:

- как комплекс реализуемых и воспринимаемых деструктивных эмоциональных и эмоционально-модальных состояний, манифестируемых в наборах коммуникативных действий;
- как индивидуально-личностную особенность, проявляющуюся в предпочтении тех или иных речевых стратегий и тактик в стереотипных коммуникативных ситуациях;
- как определенный способ восприятия мира, который формируется во враждебной картине мира;
- как комплекс социально-обусловленных моделей коммуникативного поведения, определяющих виды деструктивных языковых личностей.

Экспериментальные данные подтверждают суждение о том, что в состав агрессии входит целый комплекс таких эмоциональных и эмоционально-модальных состояний, как злость, злоба, ненависть, раздражение, нервозность, гнев, бешенство, антипатия, рассерженность, страх, нетерпение, озлобленность, нервозность, крайняя неприязнь (см., например: [Дасько, 2004; Жирова, Ларионова, 2016]). Эмоции могут стимулировать проявление агрессии, однако реализация агрессивных действий требует выполнения трех условий: наличия мотива, средств и возможности. Эмоции могут способствовать формированию мотива, но индивиду необходимы средства и возможности для реализации мотива. Таким образом, «эмоции сами по себе являются необходимым, но недостаточным условием для проявления агрессии во вне» [Matsumoto, Hwang, Frank, 2013, p. 465].

Помимо мотивационной составляющей характер агрессивного поведения индивида обуславливается средовым контекстом (наличием фрустрирующих условий, депривацией, внешней агрессии по отношению к данному индивиду, ситуацией неопределенности и пр. – см., например: [Берковиц, 2001; Бэрн, Ричардсон, 2001]), подталкивающим к агрессивным действиям, в то время как индивидуально-личностные особенности индивида (тип реагирования центральной нервной системы на раздражающие стимулы, тип темперамента, определенные акцентуации личности и пр. – см., например: [Междисциплинарность ..., 2015]) «подсказывают» предрасположенность индивида к выбору определенных форм и видов агрессии в качестве способа разрешения возникшей проблемы / трудности.

Согласно Г. Олпорту, то или иное действие человека, в том числе агрессивного характера, является результатом, по меньшей мере, четырех условий [Олпорт, 2002, с. 274]: (а) стойких личностных характеристик; (б) используемой человеком психологической защиты и утаивания, степени его самораскрытия; (в) того, как он воспринимает нынешнюю ситуацию и ее релевантность для него; (г) чего на самом деле требует и ожидает от него ситуационное задание. Исследователь утверждает, что два первых условия – продукты личности, два последних – продукты ситуации. Чтобы понять любое поведение человека, необходимо знать обе группы детерминант. При этом «ситуационные детерминанты наиболее важны там, где сурово предписаны обязанности и роли, задачи и

функции. Личностные детерминанты наиболее важны там, где задачи свободные, открытые и неструктурированные» [Олпорт, 2002, с. 273].

В свете средового подхода следует рассмотреть условиях, тормозящие и стимулирующие агрессивные импульсы. Под «ингибиторами агрессивного поведения» понимаются «факторы, предупреждающие агрессивные действия и включающие в себя в основном личностные структуры, подавляющие агрессивные импульсы» [Налчаджян, 2000; Сафуанов, 2003]. Среди тормозящих агрессию личностных структур выделяют ценностные, социально-нормативные, диспозиционные, эмоциональные, коммуникативные, интеллектуальные сдерживающие структуры и психологические защитные механизмы [Калашникова, 2009; Сафуанов, 2003]. Данные структуры являются неотъемлемой составляющей «нормального» неагрессивного поведения, а их неразвитость или ситуативный дефицит в сочетании с выраженностью проагрессивных (провоцирующих агрессию) личностных факторов приводит к более легкой реализации агрессивного поведения [Сафуанов, 2003; Anderson, Carnagey, 2004; Ross, Fontao, 2008; DeWall, Anderson, Bushman, 2011; Denson, DeWall, Finkel, 2012; Implicit theories, 2013].

Проведенный нами на основе научной и методической литературы анализ индивидуально-личностных особенностей языковой личности деструктивного типа, средовых и ситуативных факторов взаимодействия позволяет систематизировать проагрессивные и ингибирующие агрессию факторы (табл. 1).

Вербализация агрессии обнаруживается на разных языковых уровнях (фонетическом, лексическом, семантическом, грамматическом, синтаксическом и прагматическом – см., например: [Апресян, 2003; Ларионова, 2008; Черкасова, 2011; Якимова, 2012; Ениколопов, Кузнецова, Чудова, 2014; Жирова, Ларионова, 2016; The grammar of hate ..., 2022]) и коммуникации (межличностной, внутригрупповой и массовой). В пределах одного текста / дискурса индикаторы агрессии реализуются практически на всех уровнях языка одновременно. Следует отметить, что наиболее разработанным инструментарием при идентификации агрессии по речи располагают лексика, семантика, стилистика и прагматика, в то время как фонетические и фонологические исследования в этом направлении затруднены в силу отсутствия разработанных эталонов (в случае с лексикой таким эталоном выступает словарная статья, определяющая круг значений той или иной лексики).

**Соотношение факторов,
провоцирующих и тормозящих агрессию
[Комалова, 2017; Комалова, 2020, с. 90]**

Тип фактора	Факторы, ингибирующие (тормозящие) агрессию	Факторы, провоцирующие агрессию
Индивидуально-личностные	Самообладание. Волевой самоконтроль. Нацеленность на результат. Высокая осмысленность жизни. Следование общепринятым нормам и правилам поведения и др.	Аффективная ригидность. Тревожность. Низкая способность к эмпатии и обратной взаимосвязи с такими особенностями как навязчивость, отсутствие самообладания и самоконтроля и др.
Средовые	Воспитание культуры толерантности. Табуированность гендерно нестереотипного поведения. Асимметрия социальных статусов и ролей. Близкие отношения с потенциальным объектом агрессии и др.	Воспитание в среде агрессоров. Наблюдение за агрессивными моделями поведения. Поощрение культуры индивидуализма, конкурентной борьбы, стремления к лидерству и др.
Ситуативные	Отсутствие ресурсов для реализации агрессивного поведения и др.	Наличие физической агрессии и внешнеобвиняющих высказываний в свой адрес. Фактор оружия и др.

Итак, агрессия может проявляться на всех уровнях жизнедеятельности человека, начиная от межличностных конфликтов в семье и на работе и заканчивая кровопролитными войнами между государствами. Деструктивная сторона агрессии считается едва ли не самым трудно поддающимся контролю аспектом человеческого поведения. В связи с этим агрессия как объект исследования нуждается в глубоком и детальном изучении не только при помощи психологических и социологических методов, фокусирующихся на негативных установках субъектов акта агрессии, мотивах и видах агрессии, но и, бесспорно, с позиций лингвистики в отношении исследования языковых средств вербализации различных видов и форм агрессии и речевых особенностей, индицирующих речевую агрессию как особый вид агрессии, в целях диагностики и предупреждения реализации крайних форм проявления агрессии.

На межличностном и внутригрупповом уровнях взаимодействия одним из ведущих признаков вербализации агрессии высту-

пает наличие в речи коммуникантов так называемых речевых актов конфликтного типа (см. подробнее в: [Комалова, 2017; Комалова, 2020, с. 68–88]). Гибридным явлением выступают тексты СМИ, которые одновременно репрезентируют когнитивные установки автора (его враждебную картину мира), отражают структуру коммуникативного акта «агрессия» и выступают элементами внешней среды, задающими правила взаимодействия между всеми субъектами коммуникативного акта «агрессия», транслирующими модели одобряемого и порицаемого агрессивного (в том числе речевого) поведения.

Конструирование типологии вербализованной агрессии

Агрессия – сложное явление действительности. Любой анализ подразумевает разложение сложного на более простые и доступные для интерпретации компоненты. По сути разработка типологии является аналитическим механизмом упрощения действительности. Зная о типе речевой агрессии, воспринимающий субъект становится более оснащенным, у него появляется возможность выбора характера реагирования, т.е. окружающая действительность для него становится более управляемой. Иными словами, типология представляется как ментальный инструмент регуляции внешнего мира (пусть пока только в сознании субъекта, с психологической позиции для многих типов акцентуаций и девиаций наличие подобного регулятора во многом снизит деструктивные импульсы), снижает эффект манипулирования. Однако обратная сторона такой осведомленности – это оснащение агрессора инструментарием более тонкого воздействия.

Типологические исследования принято осуществлять в рамках типологического метода, который представляет собой «метаметодику анализа данных, совокупность методов изучения феномена действительности, позволяющих выделить социально значимые, внутренне однородные, качественно отличные друг от друга группы эмпирических объектов, характеризующиеся признаками, природа которых различна, и интерпретируемых как носители различных типов существования данного феномена» [Татарова, 2007, с. 72].

При разработке типологии вербализации агрессии представляется необходимым выявление непосредственно вербализованной агрессии наряду с иными явлениями в акте коммуникации. Сovre-

менные специалисты и исследователи социально-гуманитарных областей знания достигли значительных результатов в деле распознавания агрессии как деструктивного типа речевого взаимодействия в письменной и устной формах (см., например: [Verbale aggression ..., 2017; Data mining ..., 2019; Rage, power, and aggression, 2022; Computational intelligence ..., 2023; Guillén-Nieto, 2023]). Результаты, полученные в ходе наших собственных исследований, дополняют инструментарий классификацией речевых жанров конфликтного типа [Комалова, 2017; Комалова, 2020, с. 68–88].

Отвечая на вопрос о возможности использования универсальной *единицы* для анализа агрессии по письменной речи¹, можно предположить, что такой единицей выступает агрессогенная лексема². Под агрессогенной лексемой мы подразумеваем лексическую единицу, в значении (компоненте значения) которой раскрывается структура коммуникативного акта «агрессия»: его участников, возможных последствий агрессии, видов и форм реализации агрессии, речевых жанров в составе речевой агрессии. К таким лексемам можно отнести единицы семантического поля «агрессия» (СПА)³.

Объектом типологизации выступает сообщение / текст / дискурс. Отнесение к агрессогенному типу должно проводиться в соответствии со следующими параметрами (одновременное соответствие всем критериям):

- наличие в сообщении / тексте / дискурсе значительного числа лексем, входящих в состав семантического поля «агрессия»;
- соответствие темы сообщения / текста / дискурса той или иной форме или виду агрессии (межличностные и организационные конфликты, виктимное поведение, криминальное поведение, геополитические конфликты, войны и т.п.);
- наличие в содержании сообщения / текста / дискурса проагрессивной семантики, провоцирующей у реципиента эмоциональные и эмоционально-модальные состояния комплекса «агрессия»;

¹ В отношении устной речи подобной единицей может выступать перцептивно-слуховой стереотип (образ «агрессор»), соотносящийся с гендером агенса и пациенса применительно к условиям реализации акта коммуникации [Комалова, 2015; Потапова, Комалова, 2016].

² Понятие впервые было введено в работе: [Комалова, 2017].

³ В качестве опоры можно использовать разработанную нами структуру коммуникативного акта агрессии [Потапова, Комалова, 2015; Потапова, Комалова, 2017].

- реализация прагматики нападения / обороны при помощи речевых жанров конфликтного поведения носителя языка.

В дополнение к указанным параметрам при выделении типов вербализации агрессии в спонтанной устной и письменной формах речи обязательным фактором является уровень осуществления коммуникации. Применительно к массовой коммуникации, как правило, мы имеем дело с вмешательством со стороны институциональных образований и публичных фигур. В этом случае диагностировать следует инструментальный вид агрессии, т.е. вид агрессии, целью которой является не нанесение ущерба, а запуск иных процессов социальных преобразований как реакции на инициальную агрессию. В случае межличностной коммуникации и коммуникации индивидов в группе целесообразно говорить о всех возможных видах агрессии, как наступательного, так и оборонительного характера, а также инструментальной агрессии.

Разрабатывая типологию вербализации агрессии, следует иметь в виду также следующие прагматические вопросы.

- Как можно разграничить средовые, личностные и ситуативные факторы вербальной актуализации агрессии, если специалисту / эксперту доступно наблюдение в ограниченных условиях ситуации?

- Какой минимальный перечень признаков позволяет дифференцировать речевую агрессию (как самостоятельный вид агрессии)?

- Какие языковые средства используются коммуникантами для вербализации агрессии?

- Если человек действует вопреки предписаниям лингвокультуры, вопреки своему обычному стилю реагирования на раздражители, является ли данный тип ситуаций для него критическим?

- Какие коммуникативные ситуации допустимо рассматривать как диагностические в отношении речевой агрессии?

Методология и методика эмпирического исследования

Методологической основой настоящего исследования является обращение к следующим теориям и подходам:

- к гипотезе «фрустрация – агрессия» (А. Долларда, Н.Е. Миллера, М. Дуба, Д. Маурера, Р. Сизрса, Д. Зильмана, 1939), в рамках

которой затруднения и преграды на пути реализации цели рассматриваются как возможные провокаторы (триггеры) агрессивного поведения;

- к теории социального научения (А. Бандуры, 1969), согласно которой человек, наблюдая за агрессивным (воспринимаемым как агрессивное) поведением другого, осваивает агрессивные модели поведения, в том числе коммуникативного и речевого;

- к когнитивно-неассоциативной модели (Л. Берковица, 1989);

- к практическим методам диагностирования агрессивного поведения (А. Басса, 1958);

- к теории онтогенеза, в соответствии с которой прогнозировать настоящее и будущее поведение человека возможно посредством анализа предшествующего опыта;

- к теории фундаментального и прикладного речеведения (Р.К. Потаповой, 1986), в рамках которой текст / дискурс рассматривается как вербальный и паравербальный коррелят социального и эмоционально-модального поведения человека, а также как источник информации о его личностных и социально-обусловленных характеристиках.

В рамках исследовательской процедуры применялись метод моделирования речевого поведения языковой личности, метод построения семантического поля, метод лингвистического анализа текстов СМИ, сравнительно-сопоставительный метод, интерпретационный метод анализа текста / дискурса, метод контекстуального анализа, метод компонентного анализа и др. частные лингвистические методы.

Методика исследования заключалась в последовательном проведении научного анализа текстового материала на русском, английском, испанском и татарском языках, а именно:

- компонентного анализа лексикографических источников с целью формирования семантического поля «агрессия» (СПА);

- контент-анализа текстов сетевых СМИ с целью описания текста, характеризующегося наличием значительной доли лексем из состава семантического поля «агрессия»;

- модифицированного массового ассоциативного эксперимента на материале полнотекстовых корпусов с целью выявления вербализации семантического поля «агрессия» в языковом сознании испытуемых и последующей кластеризации корпуса лексем из состава СПА, на основе которого становится возможным выделение типов текстов сетевых СМИ с семантикой деструктивности (см.: [Комалова, 2019]).

Результаты исследования

Проведенное исследование позволило установить, что концепт «агрессия» реализуется в коллективном сознании различных этносов, свидетельством чему служит широкая представленность его лексико-семантических единиц (семантического поля «агрессия») в лексикографических источниках на исследуемых языках (см.: [Потапова, Комалова, 2015; Потапова, Комалова, 2017; Komalova, 2019]). Помимо лексем, в дефинициях которых реализуется концепт «агрессия» и его компоненты на первом и втором шаге семантизации, были выделены так называемые контекстуальные репрезентанты семантического поля «агрессия» (СПА), относимые к данной категории, исходя из текстового (шире коммуникативного) контекста употребления конкретной единицы СПА в тексте / дискурсе.

Контент-анализ текста / дискурса на исследуемых языках (см., например: [Potapova, Komalova, 2013; Потапова, Комалова, 2014]), в составе которого обнаруживается значительное число лексем семантического поля «агрессия», позволяет выявить ценностную ориентацию автора текста / дискурса с последующим распределением лексических единиц СПА в конкретном тексте / дискурсе по группам вербальных репрезентантов СПА с положительной, нейтральной и отрицательной коннотацией, что, в свою очередь, позволяет классифицировать текст / дискурс как (а) информирующий о фактах проявления агрессии; (б) инструмент усиления негативной установки реципиента; (в) провоцирующий ответную вербальную агрессию в сочетании с порицанием. При этом текст / дискурс с высоким показателем общего числа лексем семантического поля «агрессия» нельзя автоматически относить к текстам / дискурсам, вызывающим у реципиента ответную реакцию в виде агрессии.

Исследование актуализации речевой агрессии в коммуникативных ситуациях с помощью письменной речи позволило выявить значение ближайшего контекста в атрибуции признака «наступательная» для инициальной агрессии и признаков «оборонительная / наступательная» для ответной агрессии (см.: [Komalova, Kulagina, 2021; Комалова, Садова, 2022]).

Анализ ассоциаций испытуемых с агрессией, обнаруживаемых с опорой на тексты современных сетевых СМИ (на русском, английском, испанском и татарском языках), позволяет зафиксиро-

ровать универсальную (в рамках исследуемых языков) лексико-семантическую структуру коммуникативного акта «агрессия» и сформулировать узуальное определение агрессии как комплекса деструктивных действий агрессора [Комалова, 2019]. Последствия этих действий, элементы эмоционально-модального комплекса «агрессия», а также агрессивные системы и процессы рефлексиируются в меньшей мере, чем виды и формы агрессии, субъекты агрессии и инструменты агрессии.

Доказательством того, что агрессия представляет собой многомерный феномен, служит ассоциирование агрессии и с физическими и вербальными действиями, и с эмоциональными состояниями, и с ментальными представлениями [Комалова, 2017; Комалова, 2020, с. 152–176]. Подтверждением того, что стереотипным представлением об агрессии является мнение, что агрессия – это исключительно деструктивное явление, служит преобладание в структуре семантического поля «агрессия» большинства лексем, в значении (компонентах значений) которых раскрывается разрушительный (деструктивный) потенциал агрессии [Комалова, 2017; Комалова, 2020, с. 176–178].

Четкое разграничение составляющих в рамках семантических кластеров позволило структурировать и выявить соотношение категорий «агрессор», «жертва агрессии», «третье лицо, вовлеченное в акт агрессии». Качественный анализ вербализации данных категорий в контексте русско-, англо-, испаноязычных текстов сетевых СМИ и текстов сетевых СМИ на татарском языке свидетельствует о действующей модели ролевого взаимодействия между этими субъектами в реальной жизни.

На основе выявленных в ходе проведенного исследования лексико-семантических звеньев функционирования единиц СПА в тексте / дискурсе современных сетевых СМИ (типология, основанная на семантических кластерах СПА) в исследуемых языках можно выделить, как минимум, три типа текста / дискурса (табл. 2):

- агрессогенный (генерирующий в сознании реципиента образ «агрессор» – субъекта агрессивных действий, совершающего эти действия преднамеренно с целью нанесения физического / психологического вреда);
- виктимогенный (генерирующий образ «жертва» – объекта агрессивных действий, испытывающего на себе последствия деструктивных действий, обращающегося за помощью к третьим лицам);
- генерирующий образ третьего лица, вовлеченного в акт агрессии (наблюдателя, посредника, представителя, агента).

**Типология текстов / дискурса
по лексико-семантическому типу образа субъекта агрессии
[Комалова, 2017; Комалова, 2020, с. 181]**

<i>Параметры оценки</i>	Тип текста / дискурса		
	Агрессогенный (генерирует образ агрессора)	Виктимогенный (генерирует образ жертвы)	Генератор образа третьего лица, вовлеченного в акт агрессии
<i>Субъект</i>	агрессор	жертва	наблюдатель, посредник, представитель, агент и т.п.
<i>Характер агрессии</i>	наступательная	оборонительная	инструментальная / оборонительная
<i>Виды и формы реализуемой агрессии</i>	прямая гетероагрессия / косвенная аутоагрессия	прямая аутоагрессия / косвенная гетероагрессия	прямая / косвенная гетероагрессия
<i>Характерные объекту речевые жанры агрессивно- го типа (следуют по мере уменьше- ния частоты употребления)</i>	оскорбление, угроза, враждебное высмеивание, волеизъявление	враждебная оценка, протест, дезинформирование, угроза, волеизъявление	протест, враждебная оценка, волеизъявление
<i>Целевая направ- ленность исполь- зуемых инстру- ментов</i>	для реализации агрессии	для регулирования / реализации агрессии	для регулирования агрессии
<i>Комплекс ведущих испытываемых эмоциональных / эмоционально- модальных состояний</i>	пиковые деструктивные эмоции и эмоц.-модал. состояния (производные гнева, ярости, ненависти)	группа эмоц., эмоц.-модал. состояний производных страха и отвращения	группа эмоц., эмоц.-модал. состояний семантики мужества / отваги / храбрости / бесстрашия
<i>Отношение (установка) автора текста / дискурса к субъекту и его действиям</i>	субъект агрессии и его действия порицаются	жертва в роли субъекта агрессии и ее действия одобряются	третье лицо в роли субъекта агрессии и его действия одобряются

Заключение

Феномен «агрессия» относится к сложному объекту изучения. Исследование агрессии требует применение комплекса методов из различных предметных областей научного знания. Это обуславливается тем фактом, что агрессия одновременно может быть отнесена как к относительно стабильным факторам психической структуры языковой личности человека (агрессивность и враждебная картина мира), так и является результатом ситуативно обусловленных факторов (агрессия как эмоциональное реагирование на ситуацию фрустрации и конфликта) и более всеобъемлющих факторов социально-культурной среды (агрессия, в том числе речевая как модель поведения, принятая в конкретной социальной группе, как модель адаптации / социализации). Иными словами, агрессия как эксплицитно реализуемое действие является результатом симультанно действующего комплекса внутренних и внешних факторов, как провоцирующих индивида на выбор агрессии в качестве адекватного решения в конкретной ситуации, так и тормозящих агрессию.

В основе предлагаемого нами подхода к типологии вербализованной агрессии заложен принцип действия с опорой на индивидуальное (субъективное) восприятие реальности (в противоположность принципу действия с опорой на реальность). Реципиент вырабатывает индивидуальную реакцию на физические / вербальные / ментальные действия в реальном мире в ситуациях конфликта и фрустрации на основе формируемой картины мира, репрезентируемой, в том числе в так называемых культурных источниках (словарях и справочниках, текстах СМИ, художественной литературе и пр.). Лексико-семантические образы участников коммуникативного акта «агрессия», инструментов и средств реализации агрессии, сопровождающих акт агрессии эмоциональных и эмоционально-модальных состояний, более широкого контекста – среды, социальных систем и процессов, способствующих агрессии – все эти элементы, собираемые в связном тексте в функционирующую структуру коммуникативного акта «агрессия», генерируют в сознании реципиента (в настоящем исследовании – носителя русского языка) обобщенный образ (стереотипное представление) агрессора / жертвы агрессии / третьего лица, вовлеченного в акт агрессии, который впоследствии атрибутируется субъектам в реальной жизни. Более того, механизм и возможный репертуар взаимодействия этой триады (агрессор – жертва – третье лица) предписывается заранее и, как правило, ограничивается характеристикой деструктивности.

Список литературы

- Апресян В.Ю.* Имплицитная агрессия в языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : труды междунар. конф. «Диалог 2003». – Москва : Наука, 2003. – С. 32–35. – URL: <https://www.dialog-21.ru/media/2604/apresian.pdf>
- Берковиц Л.* Агрессия. Причины, последствия и контроль. – Санкт-Петербург : Олма-Пресс, 2001. – 512 с.
- Бэрн Р., Ричардсон Д.* Агрессия. – Санкт-Петербург : Питер, 2001. – 352 с. – URL: http://www.law.vsu.ru/structure/criminalistics/books/baron_richardson.pdf
- Дасько А.А.* Агрессия: штрихи к языковой картине мира // Агрессия в языке и речи. – Москва : Изд-во РГГУ, 2004. – С. 194–204.
- Ениколопов С.Н., Кузнецова Ю.М., Чудова Н.В.* Агрессия в обыденной жизни. – Москва : Политическая энциклопедия, 2014. – 493 с.
- Жирова И.Г., Ларионова А.С.* Семантика агрессии. – Москва : ИИУ МГОУ, 2016. – 162 с.
- Калашишникова А.С.* Соотношение личностных предпосылок разнонаправленной (гетеро- и ауто-) агрессии // Мир психологии. – 2009. – № 4. – С. 258–266.
- Комалова Л.Р.* Агрессогенный дискурс: типология мультилингвальной вербализации агрессии. – Москва : Спутник+, 2017. – 275 с.; То же. – 2-е изд., стереотип. – 2020. – 275 с.
- Комалова Л.Р.* Межличностный конфликт как катализатор вербальной агрессии // Научный Вестник ВГАСУ. Сер. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2015. – Вып. 2(26). – С. 58–69.
- Комалова Л.Р.* Репрезентация вербального образа акта агрессии в информационном универсуме англоязычных СМИ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Лингвистика. – 2019. – № 1(23). – С. 149–164. – DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-149-164. – URL: <http://journals.rudn.ru/linguistics/article/view/20621/16700>
- Комалова Л.Р., Садова Е.Р.* Фактор речевого контекста при определении прагматической направленности вербализованной агрессии в интернет опосредованной коммуникации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2022. – № 21(3). – С. 77–89. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.3.7>. – URL: <https://l.jvolsu.com/index.php/ru/component/attachments/download/2587>
- Ларионова А.С.* Лексико-семантические и стилистические способы выражения агрессии в художественном тексте: на материале художественных произведений английских и русских писателей XIX–XX веков : дис. ... канд. филол. наук. – Москва : МГОУ, 2008. – 202 с. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19191918>
- Междисциплинарность в исследовании речевой полиинформативности / Потапова Р.К., Потапов В.В., Лебедева Н.Н., Агibalова Т.В.* – Москва : Языки славянской культуры, 2015. – 347 с.
- Налчаджян А.А.* Этнопсихологическая самозащита и агрессия. – Ереван : Огебан, 2000. – 408 с.
- Отпорт Г.* Становление личности : избранные труды. – Москва : Смысл, 2002. – 462 с.
- Потапова Р.К., Комалова Л.Р.* База данных русскоязычных текстов, содержащая единицы семантического поля «агрессия» // Вестник Московского государст-

- венного лингвистического университета. Серия Языкознание. – 2014. – Вып. 19(705): Семиотическая гетерогенность межкультурной коммуникации. Часть I. – С. 112–121.
- Потапова Р.К., Комалова Л.Р.* Вербальная структура коммуникативного акта агрессии: Тематический толковый словарь. – Москва: ИНИОН РАН, 2015. – Вып. 1. – 146 с.
- Потапова Р.К., Комалова Л.Р.* Вербальная структура коммуникативного акта агрессии: Тематический толковый словарь. – Москва: ИНИОН РАН, 2017. – Вып. 2. – 124 с.
- Потапова Р.К., Комалова Л.Р.* Информационная структура письменного текста, содержащего индикаторы состояния «агрессия» // Логический анализ языка. Информационная структура текстов разных жанров и эпох / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – Москва: Гнозис, 2016. – С. 599–607.
- Сафуанов Ф.С.* Психология криминальной агрессии. – Москва: Смысл, 2003. – 300 с.
- Татарова Г.* Основы типологического анализа в социологических исследованиях. – Москва: Высшее образование и наука, 2007. – 236 с.
- Черкасова М.Н.* Речевые формы агрессии в текстах СМИ. – Ростов-на-Дону: Рост. гос. ун-т путей сообщения, 2011. – 123 с.
- Якимова Н.С.* Средства выражения вербальной агрессии в контексте экспериментального изучения лингвокультур: дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово: Кемер. гос. ун-т., 2012. – 252 с. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19281512>
- Anderson G.A., Carnagey N.L.* Violent evil and the general aggression model // The social psychology of good and evil. – New York: Guilford Publications, 2004. – P. 162–192.
- Computational intelligence applications for text and sentiment data analysis. – Academic Press, 2023. – 350 p. – URL: <https://www.elsevier.com/books/computational-intelligence-applications-for-text-and-sentiment-data-analysis/das/978-0-323-90535-0>
- Data mining социума: агрессивность в соцмедиа и новейшие технологии ее выявления // Brand Analytics. – 2019. – URL: <https://br-analytics.ru/blog/agressivnost/>
- Denson T.F., DeWall C.N., Finkel E.J.* Self-control and aggression // Current directions in psychological science. – 2012. – Vol. 21(1). – P. 20–25. – DOI: <https://doi.org/10.1177/0963721411429451>
- DeWall C.N., Anderson C.A., Bushman B.J.* The general aggression model: theoretical extensions to violence // Psychology of violence. – 2011. – № 1. – P. 245–258.
- Guillén-Nieto V.* Hate speech: linguistic approaches. – De Gruyter Mouton, 2023. – 232 p. – URL: <https://www.degruyter.com/document/isbn/9783110672619/html#overview>
- Implicit theories of relationships and close relationship violence: does believing your relationship can grow relate to lower perpetration of violence? / *Cobb R.A., DeWall C.N., Lambert N.M., Fincham F.D.* // Personality and social psychology bulletin. – 2013. – Vol. 39(3). – P. 279–292. – DOI: <https://doi.org/10.1177/0146167212473159>
- Komalova L.R.* Verbalized structure of an act of aggression (on the basis of Russian language dictionaries and printed newspapers) // IV Фирсовские чтения. Язык в современных дискурсивных практиках: материалы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции. Москва, 22–23 октября 2019 г. / под ред. А.С. Борисовой, А.В. Игнатенко, Т.В. Лариной, О.В. Ломачиной. – Москва: РУДН, 2019. – С. 358–367. – URL: <http://f-ch.org/proceedings/>

- Komalova L., Kulagina D.* Perceiving speech aggression with and without textual context on Twitter social network site // *SPECOM 2021. Lecture Notes in Computer Science series; LNAI.* – 2021. – Vol. 12997. – P. 348–359. – DOI: 10.1007/978-3-030-87802-3_32. – URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-87802-3_32
- Matsumoto D., Hwang H.C., Frank M.G.* Emotional language and political aggression // *Journal of language and society psychology.* – 2013. – Vol. 32(4). – P. 452–468.
- Potapova R., Komalova L.* Lingua-cognitive survey of the semantic field «aggression» in multicultural communication: typed text // *SPECOM 2013.* – 2013. – Vol. 8113. – P. 227–232. – DOI: 10.1007/978-3-319-01931-4_30. – URL: http://link.springer.com/chapter/10.1007%2F978-3-319-01931-4_30#
- Rage, power, and aggression / ed. by R. Glick. – New Haven : Yale University Press, 2022. – 264 p. – DOI: <https://doi.org/10.12987/9780300157925>
- Ross T., Fontao M.I.* The relationship of self-regulation and aggression: an empirical test of personality systems interaction // *International journal of offender therapy and comparative criminology.* – 2008. – Vol. 52(5). – P. 554–572. – DOI: <https://doi.org/10.1177/0306624X07308667>
- The grammar of hate: morphosyntactic features of hateful, aggressive, and dehumanizing discourse / ed. by N. Knoblock. – Cambridge : Cambridge University Press, 2022. – 294 p. – DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108991841>
- Verbale aggression: multidisziplinäre Zugänge zur verletzenden Macht der Sprache / ed. by S. Bonacchi. – Berlin ; Boston : De Gruyter, 2017. – 430 S. – DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110522976>

References¹

- Apresyan, V.Yu. (2003). Implicitnaja agressija v jazyke. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies* (pp. 32–35). Moscow: Nauka. Retrieved from: <https://www.dialog-21.ru/media/2604/apresian.pdf>
- Berkowitz, L. (2001). *Agressija. Prichiny, posledstvija i kontrol.* Saint-Petersburg: Olma-Press.
- Baron, R., Richardson, D. (2002). *Agressija.* Saint-Petersburg: Piter. Retrieved from: http://www.law.vsu.ru/structure/criminalistics/books/baron_richardson.pdf
- Dasko, A.A. (2004). Agressija: shtrihi k jazykovoj kartine mira. In: *Agressija v jazyke i rechi* (pp. 194–204). Moscow: RGGU.
- Enikolopov, S.N., Kuznecova, Ju.M., Chudova, N.V. (2014). *Agressija v obydennoj zhizni.* Moscow: Politicheskaja jenciklopedija.
- Zhirova, I.G., Larionova, A.S. (2016). *Semantika agressii.* Moscow: MGOU.
- Kalashnikova, A.S. (2009). Sootnoshenie lichnostnyh predposylok raznonapravlennoj (getero- i auto-) agressii. *Mir Psichologii*, 4, 258–266.
- Komalova, L.R. (2017, 2020). Aggressogen discourse: the multilingual aggression verbalization typology. Moscow: Sputnik +.

¹ Здесь и далее источники в разделе References оформлены в стиле APA 6th edition.

- Komalova, L.R. (2015). Interpersonal conflict as catalyst of verbal aggression. *Nauchnyj Vestnik VGASU. Ser. Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovanija*, 2(26), 58–69.
- Komalova, L.R. (2019). Representation of the verbal image of aggression in the informational universe of the English-language mass-media. *Russian Journal of Linguistics*, 1(23), 149–164. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-149-164
- Komalova, L.R., Sadova, E.R. (2022). Pragmatic vector of verbalized aggression within internet mediated communication: textual context dimension. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 3, 77–89. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.3.7>
- Larionova, A.S. (2009). *Leksiko-semanticheskie i stilisticheskie sposoby vyrazhenija agressii v hudozhestvennom tekste (na materiale hudozhestvennyh proizvedenij anglijskih i russkih pisatelej XIX–XX vekov)*. (Unpublished doctoral dissertation). Moscow: MGOU. Retrieved from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19191918>
- Potapova, R.K., Potapov, V.V., Lebedeva, N.N., Agibalova, T.V. (2015). *Mezhdisciplinarnost' v issledovanii rechevoj polinformativnosti*. Moscow: LRC Publishing House.
- Nalchadzhan, A.A. (2000). *Jetnopsihologicheskaja samozashhita i agressija*. Erevan: MGOU. Retrieved from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19191918>
- Allport, G. (2002). *Stanovlenie lichnosti: izbrannye trudy*. Moscow: Smysl.
- Potapova, R.K., Komalova, L.R. (2014). Database of Russian texts containing units of semantic field «aggression». *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 19(705)-1, 112–121.
- Potapova, R.K., Komalova, L.R. (2015). *Verbal structure of communicative act of aggression: Thematic explanatory dictionary. Volume 1*. Moscow: INION RAN.
- Potapova, R.K., Komalova, L.R. (2017). *Verbal structure of communicative act of aggression: Thematic explanatory dictionary. Volume 2*. Moscow: INION RAN.
- Potapova, R.K., Komalova, L.R. (2016). Informacionnaja struktura pis'mennogo teksta, sodержashhego indikatory sostojanija «agressija». In: *Logicheskij analiz jazyka. Informacionnaja struktura tekstov raznyh zhanrov i jepoh* (pp. 599–607). Moscow: Gnozis.
- Safuanov, F.S. (2003). *Psichologija kriminal'noj agressii*. Moscow: Smysl.
- Tatarova, G. (2007). *Osnovy tipologicheskogo analiza v sociologicheskix issledovanijah*. Moscow: Vysshee obrazovanie i nauka.
- Cherkasova, M.N. (2011). *Rechevyje formy agressii v tekstah SMI*. Rostov-on-Don: RGEPS.
- Yakimova, N.S. (2012). *Sredstva vyrazhenija verbal'noj agressii v kontekste jeksperimental'nogo izuchenija lingvokul'tur*. (Unpublished doctoral dissertation). Kemerovo: KemGU. Retrieved from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19281512>
- Anderson, G.A., Carnagey, N.L. (2004). Violent evil and the general aggression model. In: *The social psychology of good and evil* (pp. 162–192). New York: Guilford Publications.
- Das, D., Kolya, A., Basu, A., Sarkar, S. (eds.) (2023). *Computational intelligence applications for text and sentiment data analysis*. Academic Press. Retrieved from: <https://www.elsevier.com/books/computational-intelligence-applications-for-text-and-sentiment-data-analysis/das/978-0-323-90535-0>
- Data mining sociuma: aggressivnost v socmedia i novejshe tehnologii ejo vyjavlenija (2019). *Brand Analytics*. Retrieved from: <https://br-analytics.ru/blog/agressivnost/>

- Denson, T.F., DeWall, C.N., Finkel, E.J. (2012). Self-control and aggression. *Current directions in psychological science*, 21(1), 20–25. DOI: <https://doi.org/10.1177/09637214111429451>
- DeWall, C.N., Anderson, C.A., Bushman, B.J. (2011). The general aggression model: theoretical extensions to violence. *Psychology of violence*, 1, 245–258.
- Guillén-Nieto, V. (2023). *Hate speech: linguistic approaches*. De Gruyter Mouton. Retrieved from: <https://www.degruyter.com/document/isbn/9783110672619/html#overview>
- Cobb, R.A., DeWall, C.N., Lambert, N.M., Fincham, F.D. (2013). Implicit theories of relationships and close relationship violence: does believing your relationship can grow relate to lower perpetration of violence? *Personality and social psychology bulletin*, 39(3), 279–292. DOI: <https://doi.org/10.1177/0146167212473159>
- Komalova, L.R. (2019). Verbalized structure of an act of aggression (on the basis of Russian language dictionaries and printed newspapers). In: *IV Firsovskie chtenija. Jazyk v sovremennyh diskursivnyh praktikah* (pp. 358–367). Moscow: RUDN. Retrieved from: <http://f-ch.org/proceedings/>
- Komalova, L., Kulagina, D. (2021). Perceiving speech aggression with and without textual context on Twitter social network site. In: *SPECOM 2021. Lecture Notes in Computer Science series; LNAI* (pp. 348–359). Cham: Springer. DOI: 10.1007/978-3-030-87802-3_32. Retrieved from: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-87802-3_32
- Matsumoto, D., Hwang, H.C., Frank, M.G. (2013). Emotional language and political aggression. *Journal of language and society psychology*, 32(4), 452–468.
- Glick, R. (ed.) (2022). *Rage, power, and aggression*. New Haven: Yale University Press. DOI: <https://doi.org/10.12987/9780300157925>
- Potapova, R., Komalova, L. (2013). Lingua-cognitive survey of the semantic field «aggression» in multicultural communication: typed text. *SPECOM 2013*, 8113, 227–232. DOI: 10.1007/978-3-319-01931-4_30. Retrieved from: http://link.springer.com/chapter/10.1007%2F978-3-319-01931-4_30#
- Ross, T., Fontao, M.I. (2008). The relationship of self-regulation and aggression: an empirical test of personality systems interaction. *International journal of offender therapy and comparative criminology*, 52(5), 554–572. DOI: <https://doi.org/10.1177/0306624X07308667>
- Knoblock, N. (ed.) (2022). *The grammar of hate: morphosyntactic features of hateful, aggressive, and dehumanizing discourse*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108991841>
- Bonacchi, S. (ed.) (2017). *Verbale aggression: multidisziplinäre Zugänge zur verletzenden Macht der Sprache*. Berlin, Boston: De Gruyter. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110522976>